

Кричевский Г. А. Эпистолярная новелла М. А. Кузмина 1907 года : демонологический нарратив, либертинская трансгрессия, или стилизация приключений в духе Анри де Ренья / Г. А. Кричевский // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 4. — С. 330—350. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-4-330-350.

Krichevsky, G. A. (2023). Epistolary Short Story by M. A. Kuzmina 1907: Demonological Narrative, Libertine Transgression, or Stylization of Adventures in Spirit of Henri de Regnier. *Nauchnyi dialog*, 12 (4): 330-350. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-4-330-350. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-4-330-350

**Эпистолярная новелла
М. А. Кузмина 1907 года:
демонологический
нарратив,
либертинская трансгрессия,
или стилизация
приключений
в духе Анри де Ренья**

**Кричевский Григорий
Александрович** ^{1,2}

orcid.org/0000-0001-7808-2200

¹ профессор

Школы коммуникаций;

² научный сотрудник

кафедры истории журналистики

и литературы

gkrichevsky@hse.ru

¹ Национальный
исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
(Москва, Россия)

² Московский университет
им. А. С. Грибоедова
(Москва, Россия)

**Epistolary Short Story
by M. A. Kuzmina 1907:
Demonological Narrative,
Libertine Transgression,
or Stylization of Adventures
in Spirit of Henri de Regnier**

Grigory A. Krichevsky ^{1,2}

orcid.org/0000-0001-7808-2200

¹ Professor,

School of Communications;

² research scientist,

Department of History

of Journalism and Literature

gkrichevsky@hse.ru

¹ National Research University
Higher School of Economics
(Moscow, Russia)

² A. S. Griboedov Institute
of International Law and Economics
(Moscow, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматривается эпистолярная новелла М. А. Кузмина 1907 года «Из писем девицы Клары Вальмон к Розалии Тютель Майер». Изучаются «слои» жанров и традиций в тексте новеллы, с тем чтобы установить сочетаемость эпистолярного жанра с нарративными стратегиями стилизации и пародии. Выясняется, что под повествованием о связи сверхъестественного существа с человеком скрывается обычная история манипуляции и обмана молодой простодушной девушки. Тем не менее эпистолярная форма помогает точнее сконструировать женский образ. Отмечается, что комический эффект возникает в результате сомнений, которые появляются по поводу версии событий, изложенных в письмах героини. Показано, что дополнительное внимание к стихотворной автоцитате в эпистолярной новелле М. А. Кузмина открывает возможность для уточнения источника, который мог быть избран для стилизации и пародирования. Кроме этого, становится понятно, что, вопреки жанровому эпистолярному канону, который выводит на первый план внутренний мир персонажей, новелла М. А. Кузмина содержит элементы жанра авантюрного романа. Высказывается также предположение, что стратегия стилизации М. А. Кузмина может сравниваться с имитационным повествованием А. де Ренья, которым восхищались русские символисты.

Ключевые слова:

эпистолярная новелла; М. А. Кузмин; А. де Ренья; нарративная стратегия; стилизация; пародия; авантюрный роман.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The epistolary short story by M. A. Kuzmin 1907 “From the letters of the maiden Clara Valmont to Rosalia Tutel Mayer”. The “layers” of genres and traditions in the text of the novel are studied in order to establish the compatibility of the epistolary genre with narrative strategies of stylization and parody. It turns out that under the narration about the connection of a supernatural being with a person lies the usual story of manipulation and deception of a young ingenuous girl. Nevertheless, the epistolary form helps to more accurately construct the female image. It is noted that the comic effect arises as a result of doubts that appear about the version of events set forth in the letters of the heroine. It is shown that additional attention to poetic autoquotation in the epistolary short story by M. A. Kuzmin opens up the possibility of clarifying the source, which could be chosen for stylization and parody. In addition, it becomes clear that, contrary to the genre epistolary canon, which brings to the fore the inner world of the characters, the novel M. A. Kuzmin contains elements of the adventure novel genre. It is also suggested that the stylization strategy of M. A. Kuzmin can be compared with the imitative narrative of A. de Regnier, which was admired by Russian symbolists.

Key words:

epistolary novella; M. A. Kuzmin; A. de Regnier; narrative strategy; stylization; parody; adventure romance.

Эпистолярная новелла М. А. Кузмина 1907 года: демонологический нарратив, либертинская трансгрессия, или стилизация приключений в духе Анри де Ренье

© Кричевский Г. А., 2023

1. Введение = Introduction

Эпистолярная новелла М. А. Кузмина «Из писем девицы Клары Вальмон к Розалии Тютель Майер» (1907) — торжество идеи интертекстуальности, а в сущности, «констатация того факта, что любой текст пребывает в окружении множества предшествующих ему произведений и что, стало быть, избавиться от литературы невозможно» [Пьеге-Гро, 2008, с. 6], или, как это сформулировал М. Кундера в «Искусстве романа», «произведение каждого романиста неявно предполагает взгляд на историю романа и на то, что такое роман» [Kundera, 1986, с. 7]. Читателю несложно обнаружить следы разнообразных литературных источников, с которыми ведет диалог М. А. Кузмин: популярное у русских символистов повествование о связи демона и человека; либертинская трансгрессия, воплощенная в эпистолярной прозе; гофмановские темы запрещенной любви и искушения, его же мотив превращения; фантастическая литература XVIII века или традиции «романа воображения / le roman d'imagination», прежде всего «Влюбленного дьявола» (1772) Жака Казота; литературная или народная сказка; авантюрный роман Нового времени, наконец, жанр назидательной новеллы в духе М. Сервантеса. Комбинация стилизованных и пародируемых жанровых разновидностей позволяет увидеть «множественность Текста, <...> многолинейность означающих, из которых он соткан; этимологически “текст” и значит “ткань”» [Барт, 1989, с. 417]. Между тем отнюдь «не множество истин / l'effeuillement des vérités» [Barthes, 1973, с. 23], которые восходят к различным жанрам и периодам прозы Нового времени, интересуют исследователя в новелле М. А. Кузмина, а феномен «слоистости означивания / le feuilleté de la signifiante» [Ibid.], если вновь воспользоваться терминологией Р. Барта. Иными словами, академический интерес здесь фокусируется на том, как именно многообразные прозаические «слои» производят смысловой эффект в эпистолярной новелле М. А. Кузмина.

Тогда требуется, во-первых, определить основные «слои» жанров и традиций, содержащиеся в тексте М. А. Кузмина; во-вторых, установить,

как именно внутри новеллы эти жанры и традиции взаимодействуют; в-третьих, выяснить, какой эффект возникает от соединения этих жанров и традиций с эпистолярной формой, в целом маргинальной для символистской поэтики. Актуальность исследования можно обосновать тем, что в статье подробно рассмотрен эффект, возникающий от сочетания эпистолярной формы и художественной стратегии стилизации. Стихотворная автоситата определена как ключ для поиска источников, которые пародирует М. А. Кузмин. Ранее не проводилась параллель между прозой М. А. Кузмина и А. Де Ренье, который был весьма популярен у русских модернистов.

Прозу М. А. Кузмина можно считать в целом изученной. Выделим несколько наиболее заметных работ, релевантных для нашего исследования. Ранней прозе М. А. Кузмина посвящена диссертация И. В. Антипиной [Антипина, 2003], первый сборник рассказов анализирует С. В. Сомова [Сомова, 2019, с. 50—56], В. Б. Зусева-Озкан писала о том, как сконструирован женский образ у М. А. Кузмина [Зусева-Озкан, 2023, с. 90—97], интересными представляются компаративистская статья Е. О. Козюры, разбирающего женские образы и мотив метаморфозы у М. А. Кузмина и Э. Т. А. Гофмана [Козюра, 2013, с. 293—315], а также статья А. А. Кобринского, проводящего параллели между пушкинской прозой и новеллами М. А. Кузмина [Кобринский, 2013, с. 209—217]. Первым, кто еще в начале 80-х годов XX века предложил сравнение эпистолярной новеллы М. А. Кузмина «Из писем девицы Клары Вальмон к Розалии Тютель Майер» с пушкинским незавершенным фрагментом «Марья Шонинг», оказался американский славист Н. Грануэн [Granoien, 1981, с. 323]. Выделим монографический анализ Л. Г. Пановой [Панова, 2017, с. 79—149], которая, среди прочего, поставила вопрос о значении сюжета-ребуса в рассказах М. А. Кузмина и предложила, как, впрочем, и упомянутый А. А. Кобринский, оригинальную методику для рассмотрения модернистского текста с учетом стратегии пародирования. В парадигме эпистолярного жанра новеллу «Из писем девицы Клары Вальмон к Розалии Тютель Майер» подробно и всесторонне изучили Н. В. Логунова [Логунова, 2009, с. 194—198], выделившая новеллистический пуант, и, в особенности, Дж. А. Барнстед [Barnstead, 1989, с. 7—16], — выводы последнего остаются актуальными, несмотря на то, что опубликованы в 1989 году. Дж. А. Барнстед, в частности, привлек внимание к хронологическим несоответствиям в эпистолярной новелле М. А. Кузмина.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

2.1. Общая характеристика новеллы

Новелла М. А. Кузмина включает шесть писем простодушной девушки, отправленные из небольшого французского города Ляшэз Дье (La

Chaise-Dieu) в провинции Овернь (l' Auvergne) и датированные 20-ми годами XVIII века (последние годы Регентства Филиппа Орлеанского, либо начало правления Людовика XV). Отправительницу зовут Клара Вальмон — в ее имени и фамилии легко угадывается намек и на «Клариссу» (1748) С. Ричардсона, и на главного мужского персонажа из «Опасных связей» (1782) П. А. Ф. Шодерло де Лакло, виконта де Вальмона. Адресат — тетка Клары Вальмон, которая, возможно, живет в Верхнем Пфальце, в Священной Римской империи, поскольку в третьем письме упоминаются события юности Розалии Тютель Майер, которую она провела в Регенсбурге, и нет никаких указаний на то, что этот имперский город она покинула. При этом полноценным жанровым Briefwechsel считать новеллу нельзя, потому что ответы Розалии Тютель Майер на корреспонденцию Клары Вальмон отсутствуют. Тем не менее в каждом из шести писем содержатся реквизиты, обращение, формулы приветствия, прощания, указания на даты.

Эпистолярный канон воспроизводится также и за счет очевидного присутствия издателя и / или редактора переписки, к которому письма должны были каким-то образом попасть после окончания описанных событий. О появлении редактора можно судить по тому, что, во-первых, новелла озаглавлена не «Письма девицы Клары Вальмон», а «Из писем девицы Клары Вальмон», что подтверждает факт сокращения корреспонденции, пусть эта редакторская правка и является художественной условностью. Во-вторых, в новеллу включены только письма отправителя, а ответы адресата, как мы и сказали, изъяты, но, судя по реакции отправителя, корреспонденция все же направлялась в Ляшэз Дье и была доставлена Кларе Вальмон. По крайней мере, Клара Вальмон получила посылку от своей тетушки. В своем втором письме Клара Вальмон благодарит Розалию Тютель Майер за шубу, хотя одежда из меха пришлась явно не по сезону: *Право, Вы слишком предусмотрительны, приславши Ваши милый подарок теперь, когда мы все гуляем еще в одних платьях* [Кузмин, 1990, с. 361]. Наконец, в-третьих, пятое письмо содержит две строчки многоточий, которые подтверждают редактирование оригинала или выражают с помощью синтаксической лакуны точку зрения рассказчика.

Фабульная основа новеллы М. А. Кузмина довольно стандартная для эпистолярного жанра: отношения двух влюбленных. Вместе с тем переписки между любовниками нет; Клара Вальмон пишет тетке как наперснице или подруге, обсуждая с ней разные бытовые мелочи и нюансы эмоциональной жизни. Перед читателем возникают не вариации на тему переписки Сен-Прё и Юлии, а эпистолярный нарратив, напоминающий письма от Сесиль де Воланж к маркизе де Мергёй или к Софи Карне, — тот вариант «почтовой прозы» [Пушкин, 1995, с. 63], моду на который сформировал пушкинский

«Роман в письмах» (написан в 1829, опубликован в 1857), то есть нарратив, граничащий с пародией, нарратив стилизованный и весьма ироничный.

В своих письмах — в полном соответствии с жанровыми ожиданиями — Клара Вальмон рассказывает о том, что полюбила «очень веселого молодого человека» [Кузмин, 1990, с. 361] Жака Мобера, которого нанял ее отец. Затем, после череды нежных признаний, выясняется, что Клара Вальмон забеременела от Жака Мобера и отец ее будущего ребенка исчез. Какое-то время Клара Вальмон скрывала от родителей беременность (платье XVIII века, вероятно, способствовало сохранению тайны), но когда заметили ее талию, девушка столкнулась с «горем матушки и гневом папашки» [Там же, с. 362]. Дальше — больше. Клара Вальмон рождает мальчика, но ребенок оказался необычным: *весь в шерсти, без глаз и с ясными рожками на голове* [Там же]. Во время крещения младенца произошло неожиданное: *вода, приготовленная для поливания, вдруг задымилась, поднялся страшный смрад, и, когда служащие могли открыть глаза после едкого пара, они увидели в купели вместо младенца большую черную редьку* [Там же, с. 363]. После этих событий священник отец Виталий провел для Клары Вальмон обряд очищения, а жители Ляшез Дье стали избавляться от вещей, сделанных отцом необычного младенца, тем самым Жаком Мобером, которого после ритуала Клара Вальмон называет не иначе, как «чертом Вельзевулом» [Там же].

В последнем, шестом, письме Клара Вальмон рассказывает, как на площади у аббатства (скандал с рождением ребенка в шерсти и с рожками усугубляется еще и тем, что центром богобоязненного Ляшез Дье являлась известная бенедиктинская обитель) сжигают всю обувь, сапоги, туфли, ботфорты, которых касалась рука Жака Мобера. Жители Ляшез Дье принялись изгонять нечестивого: *искоренять у себя остатки следов злого духа. <...> Лишь старый часовщик Лимозиус отказался дать свои сапоги, говоря, что ему важнее прочные сапоги, чем глупое суеверие. Но, конечно, он был еврей и безбожник, не заботящийся о спасении бессмертной души* [Там же].

Обратим внимание на откровенно мракоборческую позицию часовщика Лимозиуса. *Прочные сапоги важнее, чем глупое суеверие* — таков девиз рационального мастера часовых дел Лимозиуса. Любопытно, что имя часовщика этимологически отсылает к латинскому *limosus*, которое взято из словаря произведений римских поэта Вергилия и писателя Плиния Старшего и которое переводится как ‘мутный, грязный, болотистый, суглинистый’ [Gaffiot, 1934, с. 912], то есть пригодный для посадки виноградной лозы, иначе говоря, имеющий отношение к земле, к плодородной почве, на которой крепко стоит человек и которую он своим трудом возделывает. Сапоги, которые отказался сжигать Лимозиус, могли бы символизировать мотив пути, дороги,

тогда как указание на его ремесло выводит на первый план темпоральный мотив, который обозначает того, кто контролирует и исправляет, чинит время в этой новелле, и тот особенный факт, что под контролем Лимозиуса время протекает по земным законам, которым противоречит картина мира Клары Вальмон, где есть бог и дьявол. Функция Лимозиуса в конце новеллы состоит в том, чтобы ввести тотальное сомнение по поводу рассказа о рождении сатанинского отродья и его последующем превращении в редьку.

Слова Лимозиуса в конце новеллы контрастируют с тональностью рассуждений Клары Вальмон и воспроизводят интонацию неприкрытой иронии Вольтера в его философской повести «Кандид, или Оптимизм» (1759). Кажется, что наивный перформатив Клары Вальмон «козни сатаны нас да не коснутся» [Кузмин, 1990, с. 363] по смыслу напоминает восклицание-рефрен главного персонажа: ... *mais il faut cultiver notre jardin / но надо все-таки возделывать наш сад* [Voltaire, 1759, с. 245].

2.2. Эпистолярная хронология в новелле

Датировка писем выявляет следующую хронологию:

27 июля 172... года — первое, которое содержит упоминание о Жаке Мобере;

15 сентября — второе, которое представляет более подробную характеристику молодого человека, в частности, читатель узнает следующее: *он не ходит в церковь и не любит благочестивых разговоров, <...> юноша в общем очень скромный: не гуляка, не игрок, не пьяница* [Кузмин, 1990, с. 361];

2 октября — третье письмо, где Клара Вальмон делится своими впечатлениями от близкого общения с Жаком Мобером и описывает своеобразный тактильный контакт с ним: *Я особенно люблю его глаза, которые так огромны во время поцелуев, и потом у него есть манера тереться бровями о мои щеки, что очаровательно приятно* [Там же, с. 362]; тут же, в третьем письме, выясняется: *Жак совсем не здешний и в Лашез-Дье никто его не знает* [Там же]. Мы полагаем, что упоминание о тактильном общении с Жаком Робером в третьем письме от 2 октября указывает на возможность сексуального контакта между Klarой Вальмон и Жаком Мобером, либо даже на то, что такой контакт уже состоялся;

6 декабря — в четвертом письме Клара Вальмон неожиданно сообщает о своей беременности и о том, как этой новостью были шокированы ее родители. Кроме того, становится ясно, что Жак Мобер покинул Лашез-Дье и о нем ничего больше не известно;

2 июня следующего года — пятое письмо Клары Вальмон содержит точную дату, когда она родила. Это произошло 22 мая, и здесь — событийный пуант: согласно Н. В. Логуновой, новеллистическим пуантом следует считать момент рождения странного inferнального существа, «посред-

ством чего раскрывается истинная сущность избранника Клары Вальмон» [Логунова, 2009, с. 197]. Клара Вальмон пишет своей тетке, что у нее родился младенец с шерстью и рожками, а затем происходит обряд крещения, в ходе которого младенец трансформировался в черную редьку; в этом же, пятом, письме от 2 июня — описание процесса очищения “от злого семени” [Кузмин, 1990, с. 363].

15 июня следующего года — шестое, последнее из опубликованных писем, в котором Клар Вальмон рассказывает, как жители Лашез Дье, за исключением часовщика Лимозиуса, искореняют «остатки следов злого духа» [Там же], сжигая все, чего касался Жак Мобер.

На основе подробной хронологии мы можем сделать следующие выводы. Во-первых, все описанные Klarой Вальмон события распределены между 27 июля одного года и 15 июня следующего года, то есть сюжет переписки влез в 323 дня.

Во-вторых, если Клара Вальмон родила inferнального младенца 22 мая, то зачатие произошло, скорее всего, в первой половине — середине августа предыдущего года, тогда как первое сообщение о беременности Клара Вальмон помещает в четвертое письмо от 6 декабря. Мы понимаем, что в этот момент она уже не в состоянии скрывать от родителей свое положение.

В-третьих, до четвертого письма от 6 декабря Клара Вальмон о беременности прямо не упоминает, если не принять допущение о том, что описанный ей в третьем письме от 2 октября тактильный контакт с Жаком Мобером является хрупким, граничащим со спекуляцией подтверждением состоявшейся интимной связи. Вместе с тем в этом же третьем по счету письме от 2 октября Клара Вальмон пишет, что «не устояла против очарования любви» [Кузмин, 1990, с. 362], — косвенное свидетельство того, что Клара Вальмон в начале октября все же предполагает, что беременна.

В-пятых, Клара Вальмон, таким образом, должна была забеременеть уже через две недели после первого письма от 27 июля, примерно к середине августа.

Наш подсчет совпадает с хронологией Дж. А. Барнстед, который удивительно точно определяет начало беременности Клары Вальмон: на следующий день после праздника Успения, который католики отмечают по григорианскому календарю 15 августа. По мнению Дж. А. Барнстеда, дата 16 августа имела для М. А. Кузмина мистические ассоциации, поскольку этот же день приобретает дополнительную смысловую нагрузку в романе 1915 года «Плавающие-путешествующие» [Barnstead, 1989, p. 10—11]. Как мы понимаем рассуждения Дж. А. Барнстед, указание на дату начала беременности Клары Вальмон мотивировано исключительно литературными причинами, естественные причины уходят на второй план.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Смысловые центры новеллы

Между тем основным событием в новелле является не момент беременности и даже не рождение у Клары Вальмон странного ребенка. Главное и исключительное внимание привлекает трансформация младенца в черную редьку во время крещения. Описание ритуала крещения и последовавший затем акт освобождения от дьявольского семени весьма любопытны. Отметим прежде всего, что упомянутые выше две строчки многоточия в предпоследнем, пятом, письме, где описан процесс очищения, вполне могут означать, что рассказчик не захотел описывать детали процедуры изгнания дьявольских следов то ли потому, что не считал это важным, то ли потому, что таким образом демонстрировал свое ироничное отношение. Предполагаем, что многоточие замещает смех, который охватил условного издателя или редактора, когда он читал это место из писем Клары Вальмон.

Кроме этого, обряд крещения по природе своей театрален; его неповторимая драматургия основана на превращении и коррелирует с рекуррентным, в частности гофмановским, мотивом метаморфозы. Однако трансформация ребенка в съедобный корень растения семейства капустных представляется уникальной. Младенец как большая черная редька — демонстративная насмешка над примером эталонной овидической трансформации Нарцисса в цветок.

Более того, такой непредсказуемый сюжетный трюк выглядит комбинацией имитационного крещения и пародии на него. Функция этого сюжетного поворота состоит предположительно в том, чтобы вызвать сомнения в словах Клары Вальмон. Визуальный образ, который предложил М. А. Кузмин, кажется симуляцией, подобием миракля как жанровой разновидности. Уточним, что «миракль — жанр западноевропейской средневековой религиозной драматургии, возникший во Франции в XIII веке. В отличие от мистерии, инсценировавшей Библию, в миракле сюжет, часто основывавшийся на житиях и примерах, строился на чудесном вмешательстве какого-либо святого в земные дела, способствующем благополучному разрешению конфликта. М. (миракли. — Г. К.) носили назидательный характер (святой часто помогал исправиться заблудшему герою)» [Абрамова, 2001].

О миракле как жанре в связи с различием стилизации и пародии писала О. М. Фрейденберг: «Я напомним старинный английский миракль, где дается симуляция рождения: женщина стонет в постели притворно, молодой ягненок завернут в пеленки и блянем имитирует новорожденное дитя, муж обманно качает его и успокаивает, — и вся эта сцена, с полным соблюдением бытовых форм и с сознательной нарочитостью обмана, связы-

вается с рождением Христовым и появлением рождественских пастухов» [Фрейденберг, 1973, с. 491]. Вполне вероятно, что у М. А. Кузмина обряд крещения, когда ребенок сатаны превращается в черную редьку, за своей назидательностью скрывает обман и имитацию назидания, а не избавление от якобы демонической сущности.

3.2. Жанры и традиции в эпистолярной новелле М. А. Кузмина

3.2.1. Первое. Демонологический нарратив

Напомним, что эпистолярная новелла М. А. Кузмина «Из писем девицы Клары Вальмон к Розалии Тютель Майер» победила в номинации «рассказ» на конкурсе, который журнал «Золотое руно» объявил в 1906 году под общей темой «Дьявол». Вместе с М. А. Кузминым первое место разделил святочный рассказ А. М. Ремизова «Чертик» [Ремизов, 2015, с. 87—116]. В том же 1907 году, как и новелла М. А. Кузмина, опубликован роман В. Я. Брюсова «Огненный ангел», также затрагивающий важную для символизма тему демонологии. Как заметили авторы путеводителя по роману «Мастер и Маргарита», «интерес к “дьявольской” теме наряду с оккультными науками, потусторонностью, демонологией в русской культуре был присущ прежде всего символизму. <...> В 1913 году был издан сборник “Сатанизм”. В этот ряд добавляется вышедшая в свет в 1904 году книга М. А. Орлова “История сношений человека с дьяволом”» [Белобровцева, 2012, с. 61].

Брюсовский «Огненный ангел» и являлся такой демонологической стилизацией, воспроизводящей миф о Фаусте, Мефистофеле и оккультисте Агриппе Неттесгеймским. Заметим, что В. Марков считал В. Я. Брюсова «больше стилизатором, чем Кузмина» [Марков, 1984, с. 15].

Однако вопрос о присутствии художественной стратегии стилизации на материале «Бог — дьявол» применительно к новелле «Из писем девицы Клары Вальмон к Розалии Тютель Майер» отнюдь не праздный. Ведь в своем эпистолярном произведении М. А. Кузмин точно воспроизводит нарратив о совоплощении с обычной девушкой демона в мужском облики, которого в европейской традиции называли инкубом.

История, описанная Кларой Вальмон, о ее связи с Жаком Мобером, рождении ребенка от дьявола и его последующем превращении недвусмысленно отсылает к Главе VII Второй книги знаменитого трактата «О демономании колдунов» (1580) французского философа Жана Бодена. Трактат Ж. Бодена использовали и А. В. Амфитеатров при создании исторического труда «Дьявол в быту, легенде и литературе Средних веков» (1911), и уже упоминавшийся М. А. Орлов, который написал в 1904 году «Историю сношений человека с дьяволом», оказавшую серьезное влияние на символистов. Так, согласно Ж. Бодену, «такое совоплощение (между девушкой и дьяволом. — Г. К.) возможно, как возможно и зачатие, <...> происходящий

от такого союза обладает другой природой, нежели тот, кто был зачат естественным образом. <...> ... демоны или суккубы принимают мужское семя и используют его при совокуплениях с женщинами уже как инкубы, что, как говорил Фома Аквинский, кажется невероятным» [Боден, 2021, с. 224].

Заметим тем не менее, что, несмотря на кажущуюся аутентичность демонологического нарратива в эпистолярной новелле, исследователи не нашли оснований, чтобы подозревать М. А. Кузмина, в отличие от других авторов русского модернизма, в присутствии особого интереса к темам демонологии. По крайней мере, самые влиятельные его биографы, Н. А. Богомолов и Дж. Малмстад, не увидели этому подтверждений: «Сколько мы можем судить по опубликованным и не опубликованным при жизни текстам Кузмина, он довольно скептически относился ко всякого рода теософическим, оккультистским, масонским и тому подобным концепциям» [Богомолов, 2007, с. 218].

3.2.2. Второе. Либертинская трансгрессия

Влюбленность Клары Вальмон в Жака Мобера нарушает правила и нормы эпохи, в которую Клару Вальмон помещает М. А. Кузмин. Клара Вальмон вступает, во-первых, в запрещенные сексуальные отношения до брака, во-вторых, у нее появляется ребенок, который будет признан католическим сообществом незаконнорожденным, в-третьих, она испытывает глубокую привязанность к сверхъестественному, отвергаемому существу. Но если отбросить inferнальное происхождение Жака Мобера, то он предстает как молодой человек, приучающий девушку к либертинской трансгрессии, воспитывающий ее в духе отрицания моральных традиций, что позволяет иметь близкие сексуальные отношения до вступления в брак. В рамках романа воспитания девушки в либертинской трансгрессии участвуют не только аристократы, но и простолюдины [Callens, 2008, p. 21]. Клара Вальмон в этот разряд попадает; она — дочь ремесленника, производящего обувь во французской провинции, более чем в 500 километрах от Парижа.

Сам факт откровенного изложения в письмах нюансов отношений, попирающих этический уклад, подчеркивает следование Клары Вальмон другим правилам. Как и маркиза де Мертёй у П. А. Ф. Шодерло де Лакло, оставаясь незамужней женщиной, но превращаясь, если мерить религиозными критериями, в распутницу, Клара Вальмон нарушает и еще одну негласную установку: никогда не упоминать в письмах свои чувства и не детализировать отношения с мужчиной [Gerard, 2010, p. 33].

Обратим внимание на значимые последствия. Либертинская парадигма и нарушение эпистолярного пакта XVIII века невольно делают женскую чувствительность доминирующим образом новеллы М. А. Кузмина. Ведь переписка для века Просвещения — занятие преимущественно женское, а

Жак Мобер, исчезнувший из жизни Клары Вальмон, становится обычным авантюристом, этаким пикаро, который живет, как умеет, и с тем, кого очаровывают его слова и поступки. Кларе Вальмон остается лишь рассказ о событиях, от которых она «сделалась как безумная» [Кузмин, 1990, с. 363].

Мотив безумия — повторяющийся в русской эпистолярной прозе; его происхождение мы ведем от незаконченного пушкинского фрагмента «Марья Шонинг» (1835). Впервые сравнивать новеллу М. А. Кузмина и пушкинскую «Марью Шонинг» предложил Н. Грануэн, который в попытке дать рациональное объяснение любовной истории Клары Вальмон и рождению inferнального младенца выдвинул предположение, что рассказ о сатанинском происхождении ребенка целиком был выдуман, чтобы скрыть от города и церкви запрещенную связь с Жаком Мобером, позор и даже последующее детоубийство [Granoien, 1981, p. 323]. Младенец и получился таким странным, потому что был зачат в союзе с богоборческими, то есть запрещенными силами. Безумие является в таком случае следствием тайного убийства младенца, а также причиной возникновения версии о его исчезновении во время крещения путем трансформации в черную редьку. Позицию Н. Грануэн оспаривал Дж. А. Барнстед, который доказывал, что у Клары Вальмон существовала настоящая прочная связь со сверхъестественным [Barnstead, 1989, p. 9—10].

Нам кажется важным уточнить это противоречие, зафиксированное в академической дискуссии. Дело здесь не в конкуренции толкований — сверхъестественное или реалистическое, а в их сочетании. «Реквизит» М. А. Кузмина, если воспользоваться выражением Б. М. Эйхенбаума [Эйхенбаум, 1987, с. 350], состоит в том, что под поверхностным слоем подчеркнуто литературного демонологического нарратива замаскирована фундаментальная либертинская трансгрессия, имеющая отношение к поведенческим моделям и к распределению ролей в переписке.

3.3. Происхождение стихотворной автоцитаты

Особого внимания заслуживает рассмотрение стихотворной цитаты, которую в своем четвертом письме от 6 декабря приводит Клара Вальмон:

Любви утехи длятся миг единый,

Любви страдания длятся долгий век [Кузмин, 1990, с. 362].

В действительности это — автоцитата М. А. Кузмина, взятая из его стихотворения ноября 1906 года «Любви утехи», включенного в третий раздел «Разные стихотворения» Первой книги стихов под общим названием «Сети» [Кузмин, 1990, с. 34]. Стихотворение «Любви утехи» написано для стилизованного под нарратив о Великой французской революции рассказа С. А. Ауслендера «Вечер у господин де Севераж» (1907); действие происходит во времена Конвента (1792—1795), а стихотворение в тексте С. А. Ауслендера

лендера читает утонченный поэт на закрытой вечеринке аристократов, испытывающих ностальгию по Ancien Régime [Ауслендера, 1908, с. 12—28].

Кроме того, «Любви утехи» можно рассматривать в качестве перевода знаменитого любовного романса 1784 года «Plaisir d'amour» (тем более начало романса взято в качестве эпиграфа к стихотворению М. А. Кузмина), музыку для которого написал французский композитор немецкого происхождения Йоган Пауль Эгидиус Шварцендорф (1741—1816). Этот автор сочинял под именем Жан-Поль Эжид Мартини или Джованни Паоло Мартини; его привычный псевдоним во Франции — Martini il Tedesco / Мартини-немец. Несмотря на то, что Шварцендорф / Мартини получил после реставрации Бурбонов высокую должность придворного композитора, его песня «Plaisir d'amour» остается, пожалуй, единственным значительным произведением в его художественном наследии, чему во многом способствовало появление аранжировки для оркестра, которую в 1858 году создал Гектор Берлиоз. Романс Шварцендорфа / Мартини нашел продолжение в одном из популярных произведений массовой культуры XX века — в песне Элвиса Пресли «Can't Help Falling in Love» (1961).

По поводу романса «Plaisir d'amour» существует известное рассуждение Дж. А. Барнстеда, который считал неслучайным появление анахронической цитаты из песни 1784 года в письме Клары Вальмон, написанном в 20-е годы XVIII века, то есть как минимум за 60 лет до создания оригинального романса. По естественным причинам, полагает Дж. А. Барнстед, Клара Вальмон не могла знать эту песню: «Нельзя предполагать, что анахронизм был просто оговоркой Кузмина: он слишком хорошо знал и музыку, и литературу того времени, а прием искажения времени за счет поэтических вставок или другими способами слишком распространен в его творчестве. Скорее, использование романса ставит под сомнение хронологию истории в целом, предполагая, что Клара, возможно, знала о Жаке Мобере больше, чем она готова была сказать своей тетке, то есть то, что она сама являлась слугой дьявола» [Barnstead, 1989, p. 11].

Мы считаем демонологическую интерпретацию Дж. А. Барнстеда по поводу «Любви утехи» существенной. Вместе с тем если смотреть на новеллу под углом стратегии пародирования, то Клара Вальмон как персонаж выражает, скорее, идею мракобесия и эмоциональности, чем реального и последовательного служения инфернальным инстанциям.

Рассматривая первые строчки стихотворения 1906 года, инкорпорированные в новеллу, мы принимаем во внимание исходные установки М. А. Кузмина на «литературность», метароманность и стилизацию. В связи с этим мы предложили бы, считая при этом комментарий Дж. А. Барнстеда важным, оценивать стихотворную автоцитату М. А. Кузмина как

незаярдную, но рационально мотивированную интонационную и мелодическую вставку в эпистолярный текст, как особый стилистический эксперимент «по-настоящему свободного поэта, который как никто в русской литературе объединял детскость души и изощренность ума и вкуса. Этим он напоминает Моцарта» [Марков, 1961, с. 228]. Цитируя собственное стихотворение, М. А. Кузмин, по сути, высказывается по поводу любовной интриги и эмоционального напряжения, в котором находится его героиня Клара Вальмон. «Любви утечи длятся лишь мгновение» — простые, но удивительно точные слова, которые произносит женщина, разочаровавшаяся в своем любовнике и испытывающая грусть по поводу драматического разрыва. В момент произнесения стихотворных строчек образ Клары Вальмон примеряет сам М. А. Кузмин, и стихотворная вставка оказывается элегическим обобщением о любви во всех ее проявлениях и формах.

Помимо этого, автоцитата в эпистолярной новелле отсылает — через рассказ-стилизацию С. А. Ауслендера, через французскую песню 1784 года — к жанру авантюрного романа, который был так дорог М. А. Кузмину. Об Апулее, А.-Р. Лессаже, А.-Ф. Прево, об итальянских и испанских новеллистах М. А. Кузмин упоминает в манифесте «О прекрасной ясности» [Кузмин, 1910, с. 7]. Автоцитата обретает также новый смысл в общем контексте рассказов М. А. Кузмина, написанных в жанре авантюрного романа: «Приключения Эме Лебефа» (1907), «Путешествие сэра Джона Фирфакса по Турции и другим примечательным странам» (1910), «Чудесная жизнь Иосифа Бальзамо, графа Калиостро» (1916). Напомним также, что В. Марков называл М. А. Кузмина «петербургский Ватто с мечтой о Золотом веке» [Марков, 1961, с. 232], автором, который способен показать картину жизни и приключений на стыке традиций барокко и рококо.

На фоне кузминского авантюрного повествования как такового Клара Вальмон могла бы повторить богатую испытаниями судьбу Манон Леско, но по прихоти М. А. Кузмина ей пришлось иметь дело с комичным, хоть и инферальным соблазнителем, подмастерьем обувщика Жаком Мобером, а не благородным, наделенным эмпатией кавалером Де Грие.

3.4. Стихотворная автоцитата и пародируемый источник эпистолярной новеллы М. А. Кузмина

Указывая на связь М. А. Кузмина с романной традицией XVIII века, комментаторы его прозы не уточняли, что же является конкретным источником. Так, В. Я. Брюсов говорил об «отрывках старофранцузского романа середины XVIII века» [Брюсов, 1990, с. 241—242]. В. Марков считал, что «тот “средний” французский роман восемнадцатого века <...> еще не найден ...» [Марков, 1984, с. 12].

Мы полагаем, что этот роман не так сложно обнаружить. Вспомним, что слова к упомянутому романсу «Plaisir d'amour», который, безусловно, перекликается со стихотворением М. А. Кузмина «Любви утечи», написаны Жан-Пьером Клари де Флорианом (1755—1794), переводчиком «Дон Кихота» на французский и подражателем М. Сервантеса. Впервые текст, послуживший основой для романса, появился, как и у М. А. Кузмина, в качестве отдельной вставки — в сборнике «Шесть новелл» Ж.-П. К. де Флориана в 1784 году и был включен на 123 странице в новеллу, названную испанской, под заголовком «Селестина» [Clariss de Florian, 1784, p. 107—146]. В «Селестине» описаны невероятные испытания влюбленных, которые, встретившись в Гренаде, из-за ошибок, путаницы, ложных писем надолго расстанутся, но в итоге все заканчивается благополучно. В новелле есть и переодевание женщины в мужское платье, и путешествие через Атлантику, и возвращение в Испанию, и нападения алжирских пиратов, словом, все, что делает привлекательным авантюрный жанр — испанские приключения раннего Нового времени, увиденные французским писателем эпохи Просвещения, объединенные с жанром классического плутовского романа и назидательной новеллы М. Сервантеса.

Но эпистолярную новеллу М. А. Кузмина плутовской не назовешь, если только события не будут описаны самим Жаком Мобером, соблазняющим Клару Вальмон, а затем исчезающим, чтобы продолжить свои похождения. А вот предположение, что перед читателем пародия на назидательную новеллу, допустимо. Ведь в таком случае дидактический смысл истории Клары Вальмон, по аналогии с «Селестиной» Ж.-П. К. де Флориана, заключается в тонкой иронии по поводу того, что эмоциональное счастье девушки в католическом городе XVIII века возможно только тогда, когда она сохранит невинность до брака и верность своему избраннику в любых испытаниях.

Вместе с тем такой прямолинейный сюжет вряд ли мог устраивать любителя ребусов М. А. Кузмина, поэтому, как и было сказано, эпистолярную либертинскую трансгрессию он замаскировал под демонологический нарратив, поместив свое произведение в жанровую канву авантюрного романа. При этом жанровые «слои» и традиции, которые обнаруживаются в кузминской новелле, сконструированы в соответствии с главным принципом прозы М. А. Кузмина, который сформулировал В. Марков: «... в конце происходит не то и не так; или, наоборот, ничего не происходит, хотя что-то ожидалось; или же происходит и “то” и “так”, но не “потому”. Отсюда — не только роль ошибки в рассказах, но и их ироничность, причем ирония может быть двойная, а то и тройная» [Марков, 1984, с. 14]. Здесь В. Марков говорит об анекдотической непредсказуемости сюжетов

М. А. Кузмина, о том, как М. А. Кузмин обращается с необычными деталями, намекая на литературную силу легкомысленного анекдота, связывающего кузминскую прозу, как мы помним по комментариям Н. С. Гумилева, с анекдотами из «Повестей Белкина» [Гумилев, 2006, с. 45].

3.5. Стилизация под возможным влиянием А. де Ренье

Наконец, стоит добавить, что стихотворная вставка, помимо указания на жанровые источники, добавляет уникальное стилистическое изящество эпистолярной новелле М. А. Кузмина и позволяет сравнивать ее с эпистолярной вставкой из второй части сборника 1897 года «Яшмовая трость» А. де Ренье. О том, что стиль М. А. Кузмина напоминает А. де Ренье, писали и Н. С. Гумилев [Там же], и М. А. Волошин [Волошин, 1910, с. 25], и Б. М. Эйхенбаум [Эйхенбаум, 1987, с. 348]. Сам М. А. Кузмин был в восхищении от прозы А. де Ренье [Кузмин, 1910, с. 7]. «Задумчивая гармония, молчаливость и безукоризненная светскость» [Волошин, 1910, с. 18] — вот чем, в формулировке М. А. Волошина, мог привлечь М. А. Кузмина стиль А. де Ренье.

В этом случае эпистолярное повествование о Кларе Вальмон превращается в неореалистический анекдот, такой же, как письмо господина де Симандра из рассказов о маркизе Полидоре Д'Амеркёре, которые включены в «Яшмовую трость» [Regnier, 1908, p. 25—30]. Новеллистический пуант в эпистолярном тексте М. А. Кузмина удивительным образом похож на финал письма господина де Симандра у А. де Ренье, в первую очередь, непредсказуемостью и трансгрессией: «Достигли гостиных. Двери заперты. Их взломали. Все толпились, чтобы взглянуть. Мы вошли. Никого. Но в большом будуаре, устроенном ротондой, где все зеркала были разбиты их гневом, нашли одних, с распущенными волосами, склоненными или лежащими совершенно нагими, девять красивейших дам города, из которых каждая, без сомнения, туда проникла тайно, и они оказались там соединенными по удивительному капризу их единственного, многоликого и менявшего их Любовника» [Regnier, 1908, p. 29—30].

4. Заключение = Conclusions

Таким образом, мы можем определить, в каких характеристиках проявляется сходство стратегии стилизации у А. де Ренье в «Маркизе Д'Амеркёр» и М. А. Кузмина в «Из писем девицы Клары Вальмон к Розалии Тютель Майер»: во-первых, анекдот с непредсказуемым финалом; во-вторых, время и место действия — Европа XVIII века; в-третьих — изображение персонажей как героев приключенческого романа; в-четвертых — репрезентация чувств и чувственных проявлений во всей их полноте. Важное различие: у М. А. Кузмина в центре повествования находится эмоциональный мир девушки и те испытания, с которыми она сталкивается.

Можем говорить о том, что кузминская Клара Вальмон, по сути, выступает в эпистолярной новелле под маской героя А. де Ренье Полидора Д'Амеркёра. И это еще одно указание на то, что либертинская трансгрессия у М. А. Кузмина упрятана в востребованный русским модернизмом демонологический нарратив и представлена читателю на фоне усредненного французского авантюрного романа XVIII века. Вся эта конструкция литературных «слоев» и традиций погружена в пластичное пространство эпистолярного повествования, где наравне с психологией женщины-протагониста описаны приключения. Таким образом, сюжетная интенсивность и пародийная насыщенность в новелле М. А. Кузмина — новое в эпистолярном жанровом каноне, который Ю. Н. Тынянов относил к «слабо сюжетным построениям» [Тынянов, 1985, с. 427].

В заключение стоило бы отметить, что «слои» жанров и традиций, содержащиеся в тексте М. А. Кузмина (волшебная сказка, гофмановская метаморфоза, демонологический нарратив, либертинская трансгрессия, французский авантюрный роман XVIII века, увиденный и рассказанный как будто бы в стилистике А. де Ренье), составляют единое целое, функцией которого оказывается многоуровневая пародия. При соединении этих жанров и традиций с эпистолярной формой возникает эффект укрепления эпистолярного канона с одним нововведением: теперь в литературе русского модернизма эпистолярный жанр, обычно ориентированный на внутренний мир героя, ассоциируется не только с рассуждениями о литературе и метанарративом, но и сочетается с жанром приключений, помещая в центр сюжетной интриги женскую судьбу.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declare no conflicts of interests.

Источники

1. Кузмин М. А. Глиняные голубки. Третья книга стихов (1908—1910) / М. А. Кузмин // Стихотворения. — Санкт-Петербург : Академический проект, 1996. — С. 231—304.
2. Кузмин М. А. Из писем девицы Клары Вальмон к Розалии Тютель Майер / М. А. Кузмин // Избранные произведения / Сост., подгот. текста, вступ. ст., коммент. А. Лаврова, Р. Тименчика. — Ленинград : Художественная литература, 1990. — С. 360—363.
3. Кузмин М. А. Любви утечи / М. А. Кузмин // Избранные произведения. — Ленинград : Художественная литература, 1990. — С. 34.
4. Кузмин М. А. О прекрасной ясности. Заметки о прозе / М. А. Кузмин // Аполлон. — Санкт-Петербург : Якорь, 1910. — № 4. — С. 5—10.
5. Кузмин М. А. Осенние озера. Вторая книга стихов / М. А. Кузмин // Стихотворения. — Санкт-Петербург : Академический проект, 1996. — С. 137—226.
6. Кузмин М. А. Приключение Эме Лебеф / М. Кузмин // Избранные произведения. — Ленинград : Художественная литература, 1990. — С. 576.

7. Кузмин М. А. Путешествие сэра Джона Фирфакса по Турции и другим примечательным странам / М. Кузмин // Избранные произведения. — Ленинград : Художественная литература, 1990. — 576 с.

8. Кузмин М. А. Решение Анны Мейер / М. А. Кузмин // Проза в 12 т. / ред. В. Марков и др. — Berkeley, CA, USA : Berkeley Slavic Specialties, 1984. — С. 133—158.

9. Кузмин М. А. Условности. Статьи об искусстве / М. А. Кузмин. — Петроград : Полярная звезда, 1923. — 192 с.

Литература

1. Абрамова М. А. Миракль / М. А. Абрамова // Литературная энциклопедия терминов и понятий / Под ред. А. Н. Николюкина. Институт научн. информации по общественным наукам РАН. — Москва : НПП “Интелвак”, 2001. — Стб. 550 (или 1600 стб.). — ISBN 5-93264-026-X.

2. Амфитеатров А. В. Классическая демонология / А. В. Амфитеатров. — Москва : Т8, 2017. — 68 с. — ISBN 978-5-517-08128-5.

3. Ауслендера С. А. Вечер у господина де Севираж / С. А. Ауслендер // Золотые яблоки. Рассказы. — Москва : Гриф, 1908. — С. 12—28.

4. Барт Р. От произведения к тексту. Пер. С. Н. Зенкин / Р. Барт // Избранные работы : Семиотика : Поэтика / пер. с фр., сост., общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова. — Москва : Прогресс, 1989. — С. 413—423.

5. Барт Р. Удовольствие от текста / Р. Барт // Избранные работы : Семиотика : Поэтика / пер. с фр., сост., общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова. — Москва : Прогресс, 1989. — С. 462—518.

6. Белобровцева И. З. Путеводитель по роману М. А. Булгакова “Мастер и Маргарита”. Учебное пособие / И. З. Белобровцева, С. К. Кульюс. — Москва : Издательство Московского университета, 2012. — 208 с. — ISBN 978-5-211-05366-3.

7. Богомолов Н. А. Михаил Кузмин : Искусство, жизнь, эпоха / Н. А. Богомолов, Дж. Малмстад. — Санкт-Петербург : Вита Нова, 2007. — 560 с. — ISBN 5-86793-009-2.

8. Боден Ж. О демономании колдунов / Ж. Боден ; пер.ср.-фр. и лат. И. Сахарчука. — Санкт-Петербург : CHAOSS/PRESS, 2021. — 413 с. — ISBN 978-5-6045497-4-2.

9. Брюсов В. Я. Огненный ангел. Повесть XVI века в двух частях / В. Я. Брюсов. — Москва : Скорпион, 1908. — 382 с.

10. Брюсов В. Я. М. Кузмин. Приключения Эме Лебефа ; М. Кузмин. Три пьесы. СПб., 1907. Ц. 50 к. / В. Я. Брюсов // Среди стихов: 1894—1924 : Манифесты, статьи, рецензии. — Москва : Советский писатель, 1990. — С. 240—242.

11. Волошин М. А. Анри де Ренья / М. А. Волошин // Аполлон. — Санкт-Петербург : Якорь, 1910. — № 4. — С. 18—34

12. Волошин М. А. Маркиз Д’Амеркёр / М. А. Волошин // Собрание сочинений. Переводы / сост. А. В. Лаврова ; подготовка текста и коммент. П. Р. Заборова, М. Ю. Кореньевой, Д. В. Токарева. — Москва : Эллис Лак, 2006. — Т. 4. — 992 с. — ISBN 5-902152-34-8.

13. Гумилев Н. С. М. Кузмин. Первая книга рассказов. К-во Скорпион. Москва 1910. Цена 1 руб. 50 коп / Н. С. Гумилев // Полное собрание сочинений. В 10 т. Статьи о литературе и искусстве. Обзоры. Рецензии. — Москва : Воскресенье, 2006. — Т. 7. — С. 45—46.

14. Логунова Н. В. Жанры малой эпистолярной прозы начала XX века : особенности жанровой стратегии / Н. В. Логунова // Известия Волгоградского государственного

педагогического университета. Актуальные проблемы литературоведения. — 2009. — Выпуск 7. — С. 194—198.

15. *Марков В.* Беседа о прозе М. А. Кузмина / М. А. Кузмин // Проза в 12 т. / ред. В. Марков и др. // Berkeley. CA, USA: Berkeley Slavic Specialties, 1984. — Т. 1. — С. 12—18.

16. *Марков В.* О свободе в поэзии / В. Марков // Воздушные пути. Альманах-II. — Нью-Йорк : Редактор-издатель Р. Н. Гринберг, 1961. — С. 215—239.

17. *Пушкин А. С.* Евгений Онегин / А. С. Пушкин // Полное собрание сочинений. В 17 т. — Москва : Воскресенье, 1995. — Т. 6. — С. 5—206.

18. *Пьеге-Гро Н.* Введение в теорию интертекстуальности / Н. Пьеге-Гро ; пер. с фр., общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова. — Москва : Издательство ЛКИ, 2008. — 240 с. — ISBN 978-5-9710-2020-2.

19. *Ремизов А. М.* Чертик / А. М. Ремизов // Зга. Собрание сочинений. — Санкт-Петербург : Росток, 2015. — Т. 11. — С. 87—116.

20. *Тынянов Ю. Н.* Достоевский и Гоголь (К теории пародии) / Ю. Н. Тынянов // Архаисты и новаторы. — Прибой, 1929. — Ardis reprint. — Ann Arbor, Michigan, USA : Ardis Publishers Heatherway, 1985. — С. 412—455.

21. *Фрейденберг О. М.* Происхождение пародии / О. М. Фрейденбург // Труды по знаковым системам. — Тарту, ЭССР : Издательство Тартуского государственного университета, 1973. — Т. VI. — С. 490—497.

22. *Эйхенбаум Б. М.* О прозе М. Кузмина / Б. М. Эйхенбаум // О литературе. Работы разных лет. — Москва : Советский писатель, 1987. — С. 348—351.

23. *Barnstead J. A.* Stylization as Renewal : The Function of Chronological Discrepancies in two Stories by Mixail Kuzmin / J. A. Barnstead // Studies in the Life and Works of Mixail Kuzmin Edited by John E. Malmstad. — Wien : Wiener Slawistischer Almanach, 1989. — Pp. 7—16.

24. *Barthes R.* Le plaisir du texte / R. Barthes. — Paris : Éditions du Seuil, 1973. — 110 p.

25. *Callens S.* Libertinage et apprentissage dans le roman du XVIII siècle / S. Callens. — Gent, Belgique : Universiteit Gent. Faculteit Letteren en Wijsbegeerte, 2008. — 109 p.

26. *Claris de Florian J.-P.* Celestine. Nouvelle espagnole / J.-P. Claris de Florian // Les six Nouvelles. — Paris : Imprimerie de Didot L'Aine, 1784. — Pp. 107—146.

27. *Gaffiot F.* Dictionnaire Illustré Latin-Français / F. Gaffiot. — Paris : Hachette, 1934. — 1702 p.

28. *Gerard M. C.* Les Liaisons Dangereuses de Laclos, roman de la transgression / M. C. Gerard. — Montréal, Québec, Canada : Université McGill. Département de langue et littérature françaises, 2010. — 93 p.

29. *Granoien N.* Mixail Kuzmin : An Aesthete's Prose. A PhD Dissertation / N. Granoien. — Los Angeles, CA, USA : UCLA. Slavic Languages and Literatures, 1981. — 774 p.

30. *Kundera M.* L'art du roman / M. Kundera. — Paris : Gallimard, 1986. — 228 p.

31. *Regnier H. de.* La canne de jaspe / H. de. Regnier. — Paris : Société du Mercure de France, 1908. — 173 p.

32. *Voltaire.* Candide, ou L'optimisme. Traduit de l'allemand de Mr. le Docteur Ralph / Voltaire. — Paris : Éditions de La Sirène, 1759. — 261 p.

Статья поступила в редакцию 28.03.2023,
одобрена после рецензирования 03.05.2023,
подготовлена к публикации 24.05.2023.

Material resources

- Kuzmin, M. A. (1910). About beautiful clarity. Notes on prose. *Apollo*, 4. St. Petersburg: Anchor. 5—10. (In Russ.).
- Kuzmin, M. A. (1923). *Conventions. Articles about art*. Petrograd: Polar Star. 192 p. (In Russ.).
- Kuzmin, M. A. (1984). Anna Meyer's decision. In: *Prose in 12 volumes*. Berkeley. CA. USA: Berkeley Slavic Specialties. 133—158. (In Russ.).
- Kuzmin, M. A. (1990). From the letters of the girl Clara Valmont to Rosalia Tyutel Mayer. In: *Selected works*. Leningrad: Fiction. 360—363. (In Russ.).
- Kuzmin, M. A. (1990). Lyubov solace. In: *Selected works*. Leningrad: Fiction. P. 34. (In Russ.).
- Kuzmin, M. A. (1990). The Adventure of Aime Leboeuf. In: *Selected works*. Leningrad: Fiction. 576 p. (In Russ.).
- Kuzmin, M. A. (1990). The journey of Sir John Fairfax in Turkey and other notable countries. In: *Selected works*. Leningrad: Fiction. 576 p. (In Russ.).
- Kuzmin, M. A. (1996). Autumn lakes. The second book of poems. In: *Poems*. St. Petersburg: Academic Project. 137—226. (In Russ.).
- Kuzmin, M. A. (1996). Clay pigeons. The third book of poems (1908—1910). In: *Poems*. St. Petersburg: Academic Project. 231—304. (In Russ.).

References

- Abramova, M. A. (2001). Mirakl. In: *Literary encyclopedia of terms and concepts*. Moscow: Intelyak. Stb. 550 (or 1600 stb.). ISBN 5-93264-026-X. (In Russ.).
- Amfiteatrov, A. V. (2017). *Classical Demonology*. Moscow: T8. 68 p. ISBN 978-5-517-08128-5. (In Russ.).
- Auslender, S. A. (1908). Evening at Mr. de Seviraj. In: *Golden Apples. Stories*. Moscow: Vulture. 12—28. (In Russ.).
- Barnstead, J. A. (1989). Stylization as Renewal: The Function of Chronological Discrepancies in two Stories by Mixail Kuzmin. In: *Studies in the Life and Works of Mixail Kuzmin*. Wien: Wiener Slawistischer Almanach. 7—16.
- Bart, R. (1989). From the work to the text. S. N. Zenkin. In: *Selected works: Semiotics: Poetics*. Moscow: Progress. 413—423. (In Russ.).
- Bart, R. (1989). Pleasure from the text. In: *Selected works: Semiotics: Poetics*. Moscow: Progress. 462—518. (In Russ.).
- Barthes, R. (1973). *Le plaisir du texte*. Paris: Éditions du Seuil. 110 p. (In Frenc.).
- Belobrovtsseva, I. Z., Kulyus, S. K. (2012). *Guide to the novel by M. A. Bulgakov "The Master and Margarita"*. Textbook. Moscow: Moscow University Press. 208 p. ISBN 978-5-211-05366-3. (In Russ.).
- Boden, Zh. (2021). *On the demonomania of sorcerers*. Saint Petersburg: CHAOSS/PRESS. 413 p. ISBN 978-5-6045497-4-2. (In Russ.).
- Bogomolov, N. A., Malmstad, J. (2007). *Mikhail Kuzmin: Art, Life, Epoch*. St. Petersburg: Vita Nova. 560 p. ISBN 5-86793-009-2. (In Russ.).
- Bryusov V. Ya. (1990). M. Kuzmin. The Adventures of Aimé Leboeuf; M. Kuzmin. Three plays. St. Petersburg, 1907. Ts. 50 K. In: *Among the poems: 1894—1924: Manifestos, articles, reviews*. Moscow: Soviet Writer. 240—242. (In Russ.).
- Bryusov, V. Ya. (1908). *The fiery angel. A tale of the XVI century in two parts*. Moscow: Scorpion. 382 p. (In Russ.).
- Callens, S. (2008). *Libertinage et apprentissage dans le roman du XVIII siècle*. Gent, Belgique: Universiteit Gent. Faculteit Letteren en Wijsbegeerte. 109 p. (In Frenc.).

- Claris de Florian, J.-P. (1787). *Celestine. Nouvelle espagnole*. In: *Les six Nouvelles*. Paris: Imprimerie de Didot L'Aine. 107—146. (In Franc.).
- Eichenbaum, B. M. (1987). About the prose of M. Kuzmin. In: *About literature. Works of different years*. Moscow: Soviet Writer. 348—351. (In Russ.).
- Freudenberg, O. M. (1973). The origin of parody. In: *Proceedings on sign systems, VI*. Tartu, ESR: Publishing House of the Tartu State University. 490—497. (In Russ.).
- Gaffiot, F. (1934). *Dictionnaire Illustré Latin-Français*. Paris: Hachette. 1702 p. (In Franc.).
- Gerard, M. C. (2010). *Les Liaisons Dangereuses de Laclos, roman de la transgression*. Montréal, Québec, Canada: Université McGill. Département de langue et littérature françaises. 93 p. (In Franc.).
- Granoien, N. (1981). *Mixail Kuzmin: An Aesthete's Prose. A PhD Dissertation*. Los Angeles, CA, USA: UCLA. Slavic Languages and Literatures. 774 p.
- Gumilev, N. S. (2006). M. Kuzmin. The first book of short stories. K-in Scorpio. Moscow 1910. Price 1 rub. 50 kopecks. In: *Complete works. In 10 t. Articles about literature and art. Reviews. Reviews, 7*. Moscow: Sunday. 45—46. (In Russ.).
- Kundera, M. (1986). *L'art du roman*. Paris: Gallimard. 228 p. (In Franc.).
- Logunova, N. V. (2009). Genres of small epistolary prose of the early twentieth century: features of genre strategy. *Proceedings of the Volgograd State Pedagogical University. Actual problems of literary criticism, 7*: 194—198. (In Russ.).
- Markov, V. (1961). About freedom in poetry. In: *Airways. Almanac-II*. New York: Editor-publisher R. N. Grinberg. 215—239. (In Russ.).
- Markov, V. (1984). Conversation about the prose of M. A. Kuzmin. In: *Prose in 12 volumes, 1*. Berkeley, CA, USA: Berkeley Slavic Specialties. 12—18. (In Russ.).
- Piege-Gro, N. (2008). *Introduction to the theory of intertextuality*. Moscow: LKI Publishing House. 240 p. ISBN 978-5-9710-2020-2. (In Russ.).
- Pushkin, A. S. (1995). “Eugene Onegin”. In: *Complete works. In 17 vols, 6*. Moscow: Sunday. 5—206. (In Russ.).
- Regnier, H. de. (1908). *La canne de jaspe*. Paris: Société du Mercure de France. 173 p. (In Franc.).
- Remizov, A. M. (2015). Chertik. In: *Zga. Collected works, 11*. St. Petersburg: Rostock Publishing House. 87—116. (In Russ.).
- Tynyanov, Yu. N. (1985). Dostoevsky and Gogol (To the theory of parody). In: *Archaisms and innovators. Surf, 1929. Ardis reprint. Ann Arbor. Michigan, USA: Ardis Publishers Heatherway*. 412—455. (In Russ.).
- Voloshin, M. A. (1910). Henri de Rainier. In: *Apollo, 4*. St. Petersburg: Anchor. 18—34. (In Russ.).
- Voloshin, M. A. (2006). Marquis D'amercker. In: *Collected works. Translations, 4*. Moscow: Ellis Lac. 992 p. ISBN 5-902152-34-8. (In Russ.).
- Voltaire. (1759). *Candide, ou L'optimisme. Traduit de l'allemand de Mr. le Docteur Ralph*. Paris: Éditions de La Sirène. 261 p. (In Franc.).

*The article was submitted 28.03.2023;
approved after reviewing 03.05.2023;
accepted for publication 24.05.2023.*